

Юдин Александр Ильич

П. Л. ЛАВРОВ О ПОНИМАНИИ ЗАКОНА В ИСТОРИИ

Статья посвящена философскому анализу понимания П. Л. Лавровым закона в истории. В историко-философском контексте рассматривается проблема становления истории как науки, раскрываются ее специфические особенности. Проанализирована проблема взаимодействия социологических (повторяющихся) и исторических (неповторимых) законов в понимании Лавровым исторического процесса. Сделан вывод о том, что Лавров стремился найти объективную основу исторического процесса (взаимодействие культуры и мысли), однако все же на первый план ставил антропологический фактор. Человек – творец истории, и он же создает ее законы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 5 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 207-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Бронфин Е. Ф.** Джоаккино Россини. Л.: Музыка, 1986. 95 с.
2. **Верди Дж.** Избранные письма. М.: Гос. муз. изд., 1959. 680 с.
3. **Донатти-Петтени Дж.** Газтано Доницетти. Л.: Музыка, 1980. 192 с.
4. **Конен В.** История зарубежной музыки. М.: Музгиз, 1958. Вып. 1. 391 с.
5. **Лаури-Вольпи Дж.** Вокальные параллели / пер. с итал. Ю. Н. Ильина. Л.: Музыка, 1972. 303 с.
6. **Мартынова А.** Итальянская опера первой половины XIX века: взаимосвязь вокальной теории и композиторской практики // Музыка и время. М.: Научтехлитиздат, 2006. № 12. С. 46-48.
7. **Музыкальный энциклопедический словарь** / гл. ред. Г. В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
8. **Пастура Фр.** Беллини / пер. с итал. И. Константиновой. М.: Мол. Гвардия, 1989. 351 с.
9. **Стасов В. В.** Статьи о музыке. Л. – М.: Гос. муз. изд., 1949. 326 с.
10. **Стендаль.** Жизнь Россини. М.: Аграф, 1999. 442 с.
11. **Сусидко И. П.** Опера *seria*: генезис и поэтика жанра: автореф. дисс. ... д. искусствоведения. М., 2000. 40 с.
12. **Театр ла Скала:** альбом / сост. И. Г. Константинова; авт. текста Л. М. Тарасова. М.: Музыка, 1989. 160 с.
13. **Ashbrook W.** Donizetti and His Operas. Cambridge University Press, 1982. 744 p.
14. **Damien C.** Rossini: l'opéra de lumière. Paris, 1992. 160 p.
15. **Rosselli J.** The Life of Bellini. Cambridge University Press, 1996. 184 p.

BEL CANTO IN ROSSINI, BELLINI AND DONIZETTI'S CREATIVITY**Shcherbinkina Natal'ya L'vovna***Russian University of Dramatic Art (State Institute of Dramatic Art)**ncantor@mail.ru*

The author considers the problem of the comprehension of the works of the Italian composers of the XIXth century – Rossini, Bellini, Donizetti, who opened a new age of bel canto. The very development of the style is based on the interaction of the composer's creativity and vocal performance practice. Rossini, Bellini and Donizetti, in spite of a number of similar stylistic features, have their specific ones: the first is a master of ornamental presentation, the second – of cantilena one, the third – of declamatory one. Due to the surge of interest in bel canto in the XXIst century it is necessary to research the correlation of Rossini, Bellini, Donizetti's vocal notation and the theoretical and performance traditions of the first half of the XIXth century. The modern staging of the operas of the aforementioned composers requires the singers' most accurate reading of their parts. In this regard, the rethinking of the authors' creativity style and the revelation of the true performer's features become topical.

Key words and phrases: opera; Rossini; Bellini; Donizetti; singing; aria; virtuoso, bel canto style.

УДК 02.41.41

Философские науки

Статья посвящена философскому анализу понимания П. Л. Лавровым закона в истории. В историко-философском контексте рассматривается проблема становления истории как науки, раскрываются ее специфические особенности. Проанализирована проблема взаимодействия социологических (повторяющихся) и исторических (неповторимых) законов в понимании Лавровым исторического процесса. Сделан вывод о том, что Лавров стремился найти объективную основу исторического процесса (взаимодействие культуры и мысли), однако все же на первый план ставил антропологический фактор. Человек – творец истории, и он же создает ее законы.

Ключевые слова и фразы: идея эволюции; наука и история; специфика исторического знания; Лавров о понимании исторического закона; социологические и исторические законы; человек и исторический процесс.

Юдин Александр Ильич, д. филос. н.*Тамбовский государственный технический университет
ayudin51@mail.ru***П. Л. ЛАВРОВ О ПОНИМАНИИ ЗАКОНА В ИСТОРИИ**©

П. Л. Лавров (1823-1900 гг.) – выдающийся русский философ, ученый, эрудит, в истории русской социально-философской мысли фигура объективно необходимая, необходима она и в современном обществе. Ярко выраженный просветительский идеализм, страстная вера в силу нравственных идей были достоинством русской интеллигенции XIX века. Просветительский идеализм есть желание и стремление изменить существующую действительность, преобразовать ее к лучшему через изменение духовно-нравственной сферы. Эта идея актуальна и значима всегда, особенно в современных условиях развития и реформирования российского общества.

Новое время – период интенсивного становления науки и научного знания. От эмпирии к теории, от эмпирического описания к теоретическому объяснению – этот процесс затронул и историческое знание. Наиболее остро встает проблема не просто исторического описания, а выявления направленности, закономерной направленности исторического процесса, тем самым проблема становления истории как теоретической дисциплины.

Отсюда на первый план выходит проблема закона в истории. Если история – наука, если исторический процесс можно описать теоретически, значит, в истории действуют законы. Закон это знание о повторяющихся и необходимых связях между частными объектами или явлениями.

Есть ли в истории закон или история цепь неповторимых событий во времени, благодатное поле для их произвольного толкования и интерпретации? Проблема понимания исторического закона, исторической закономерности является актуальной и в настоящее время. Марксистская теория общественно-экономических формаций не укладывается в реальный исторический процесс. Если коммунизм – более прогрессивная общественно-историческая формация, то в России мы наблюдаем регресс. Если не регресс, то, с точки зрения теории общественно-экономических формаций, данное историческое развитие объяснить невозможно. Здесь встает проблема закона, закономерности исторического развития, проблема критериев исторического прогресса.

Наука ли история? Лавров в своих многочисленных работах постоянно подчеркивал понимание истории как науки, как научной дисциплины. Всякое исследование, по мнению Лаврова, начинается с анализа достоверных фактов, которые есть знание, но «наука идет далее знания. Она вырабатывается из него, когда бесспорные факты группируются в законы. Знание, не способное установить законы, вовсе не есть наука. Или в истории можно открыть законы, или она не допускает научной обработки» [7, с. 78]. Если история не наука, то согласно логике Лаврова, всякое теоретическое и практическое творчество человека теряет смысл.

В Новое время идея эволюции, закономерного развития получила универсальный характер. Общество есть часть природы и подчиняется тем же законам, что и природа. Наиболее ярко эта идея была выражена Г. И. Гердером (1744-1803 гг.) в его знаменитой работе «Идеи к философии истории человечества» (1784 г.). Здесь исторический процесс мыслился как результат и часть единого, присущего всему миру эволюционного процесса. Мир предстает в виде единого, непрерывно развивающегося целого, закономерно переходящего вполне определенные необходимые ступени. О том, как Гердер представлял себе эти ступени, говорит следующий набросок: «1. Организация материи – теплота, огонь, свет, воздух. Вода, земля, пыль, вселенная, электрические и магнитные силы. 2. Организация земли по законам движения. Всевозможное притяжение и отталкивание. 3. Организация неживых вещей – камни, соли. 4. Организация растений – корень, лист, цветок. Силы. 5. Животные: тела чувства. 6. Люди – рассудок и разум. 7. Мировая душа: все» [1, с. 623]. Если мир един, то существуют единые универсальные законы, характерные как для природы, так и для общества.

Во второй половине XIX века механистический редукционизм себя уже окончательно исчерпал: мир един, но не однообразен, а качественно разнороден, на всех структурных уровнях развития материи действуют свои специфические законы. Отсюда встает проблема специфического отличия общества от природы, отличия общественных, исторических законов, если таковые имеются, от законов естественных.

Наиболее остро проблема специфики исторического знания была сформулирована в философии жизни. Философия жизни выступила против механистического естествознания, против естественнонаучного рассмотрения духовных явлений. Отсюда антициентизм по отношению к традиционной науке, научное познание трактуется как практически утилитарное, не способное познать суть жизни. Познать жизнь – значит не объяснить, а понять можно только посредством самой жизни, погружившись в ее течение и изменение. Но философия жизни, делая акцент на интуитивизме, отрицала существование закона, закономерности в историческом развитии.

Эта дилемма была преодолена в некоторой степени неокантианством. Философия для В. Виндельбанда (1848-1915 гг.) – представителя Баденской школы – есть нормативная наука, учение об «общезначимых ценностях». На основании этого происходит противопоставление философии как нормативной науки, основанной на оценочных суждениях и познании должного, опытным наукам, основанным на теоретических суждениях и эмпирических данных о действительности. Ценности опираются на кантовские априорные формы чистого разума. Таким образом, Виндельбанд разъединяет мир на мир сущего (природа – естествознание) и мир должного (ценности – гуманитарное знание).

Эти два мира могут быть познаны принципиально разными методами. Естествознание ориентировано на выявление общих законов, «генерализирующий» метод, для исторического познания используется метод, направленный на выявление единичного, «индивидуализирующий» метод. Именно понятия ценности, с точки зрения неокантианцев, делает возможным существование истории как науки.

В разработке Лавровым проблемы сущности и специфики исторического знания явственно чувствуется близость к неокантианству, именно в акценте на понятие ценности как критерия исторического прогресса. Проблему истории как науки, проблему исторического закона Лавров рассматривал во многих своих работах: «Философский смысл истории» (1870 г.), «Очерки систематического знания» (1871-1873 гг.), «Научные основы истории цивилизации» (1872 г.), «Опыт истории мысли» (1875 г.), «Опыт истории мысли нового времени» (1888 г.), «Задачи понимания истории» (1898 г.), «Цивилизация и дикие племена» (1904 г.).

Лавров понимал специфичность обществознания и исторического знания в частности, поэтому его поиск был направлен в сторону выявления специфики исторического знания. В истории «случай играет громадную роль, а сложность побуждений так велика, что научные приемы кажутся неприложимыми к точному анализу этих событий» [7, с. 76].

Предмет истории качественно отличается от предмета естествознания, отсюда качественно иное понимание закона в истории. «История отличается существенно тем от прочих человеческих знаний, что в ней группы явлений не повторяются; вечно возникают в ней новые комбинации предшествующих обстоятельств, которые приводят к событиям, лишь однажды совершившимся. Следовательно, слово закон и понимание в приложении к истории имеют совершенно иной смысл, чем в других областях мысли» [10, с. 41].

Если в истории явления не повторяются, то значит, само понимание закона в истории должно иметь иной смысл, нежели понимание закона в природе, где явления повторяются. «Закон в математике и естествознании заключается в общей формуле для связи явлений, формуле, которая имеет бесчисленное множество приложений в настоящем, прошедшем и будущем. Понять какую-либо область знания, значит свести ее явления на возможно меньшее число таких общих формул, которые находят себе приложение всегда и везде в этой области, так чтобы, сквозь пеструю ткань разнообразных явлений, мысль ученого постоянно усматривала повторение одних и тех же основных начал. Таких законов в истории совсем нет, и то, что представляет нечто подобное в течение исторических событий, есть закон не истории, а социологии, феноменологии духа, физики земли и т.п.» [Там же].

Значит, исторический закон не тождествен законам других наук. Исторический закон не закон повторения явлений, а закон их последовательности во времени. Исторический закон Лавров сравнивал с законами геологии. «Геология опирается на законы механики, физики и химии; чтобы объяснить образование того или иного слоя земной коры, они ищут закон геологической последовательности в истории земли» [Там же, с. 42].

На основании такого подхода Лавров выделял два разряда наук: феноменологические науки, изучающие повторяющиеся явления и процессы, и морфологические науки, изучающие явления неповторяющиеся. «Таким образом, характер повторяемости явлений дает нам особый разряд наук и в них особый тип отыскиваемых и устанавливаемых законов», – писал Лавров [7, с. 79]. В историческом процессе взаимодействуют, согласно Лаврову, как повторяющиеся, так и неповторяющиеся явления. Социология относится к наукам феноменологическим, законы социологии органично взаимодействуют в историческом процессе с законами истории.

Историю как науку, в силу специфичности ее законов, Лавров сравнивал с эмбриологией организмов, полагая, что история близка к наукам классификационным, которые изучают «распределение предметов и форм, которые обуславливают наблюдаемые процессы и явления, причем цель этих наук есть сведение всех наблюдаемых форм и распределение их на моменты генетических процессов» [11, с. 25]. История, как и эмбриология, есть определенная последовательность событий во времени. «Цыпленок вылупляется из яйца и никогда уже не вернется к тем формам, которые он имел в яйце. От этого момента в прошедшее тянется ряд форм, которые он пережил и пережить более не может» [7, с. 79]. Если в истории нет повторяемости, то значит, исторический процесс есть цепь индивидуальных неповторимых событий во времени.

Но в рамках этой цепи неповторимых исторических событий действуют повторяющиеся социологические законы. Социологический, не исторический, закон переработки культуры мыслью повторяется формально в каждом фазисе исторического развития. Поэтому историческое развитие, по мнению Лаврова, есть результат действия социологического закона, исследующего повторяющиеся явления, и исторического закона, должного раскрыть последовательность, порядок развития неповторимых фазисов, периодов. Лавров отмечал, что «не эволюционные процессы социологические и эволюционные процессы исторические имеют место в тесной зависимости и взаимодействии, которое не следует упускать из виду» [3, с. 180]. «Законы социологии... входят составными частями в историю и служат к уяснению ее отдельных фактов, на столько же, на сколько законы химии и механики входят в физиологию и служат для уяснения процессов жизни» [10, с. 42]. Таким образом, повторяющийся социологический закон переработки культуры мыслью раскрывает причину, источник исторического развития, но направленность его должен раскрыть исторический закон.

Закон переработки культуры мыслью следует рассматривать как то основное противоречие, которое в рамках определенной стадии общественного развития обуславливает переход общества в следующую стадию. Если в марксизме основное противоречие общества заключалось в экономической сфере, то у Лаврова – в духовной сфере, в сфере взаимодействия культуры и мысли. При этом необходимо отметить, что Лавров не отрицал существование в обществе экономических и политических противоречий, но детерминирующим исторический процесс считал противоречие в духовной сфере между культурой и мыслью. «Существенные черты истории обуславливаются: борьбой критической мысли против задерживающих влияний культуры; прогрессом в области познания истины; прогрессом в области осуществления справедливости» [6, с. 41]. В таком подходе очевиден просветительский пафос мыслителя.

Культура, по Лаврову, есть результат критической мысли и в то же время объект ее воздействия и переработки. Культура и мысль взаимодействуют, и противоречат друг другу. Но стороны этого противоречия не равноценны: мысль есть активное начало, культура – пассивное.

«Мысль» Лавров понимает отнюдь не как «рассудок» или «разум», но как всю совокупность сознательной духовной жизни человека. «Мысль» для него понятие общее, родовое; «мысль научная», «мысль философская», «мысль религиозная», «мысль эстетическая», «мысль нравственная», «мысль техническая» и т.д., – являются ее формами, видами» [2, с. 299], – писал А. А. Гизетти.

Мысль, результат потребности развития, выступает двигателем процесса общественного развития. Процесс переработки культуры мыслью есть основной социологический закон, который «по сущности представляется с одной стороны, процессом усиления или ослабления солидарности общества путем внесения в формы его жизни большей доли сознания, и потому совершающийся сходными путями в самые различные эпохи жизни народов» [3, с. 180]. Подчеркивая всеобщую применимость этого социологического закона, обращая внимание на его специфику, Лавров отмечал, что на каждом конкретном этапе общественного развития

работа мысли была направлена на качественно иные задачи, «которые не могли иметь места ни прежде, ни после, точно также, как культура, подлежащая изменению, представляет в каждом фазисе исторической эволюции иную почву для работы мысли» [Там же, с. 181].

Процесс переработки культуры мыслью включает в себя два этапа. Первый – это установление и закрепление определенных форм культуры. Второй – период разрушения этих форм культуры. Затем, как только переработка культуры мыслью закончена, «мысль обнаруживает как бы некоторое утомление и готовность успокоиться на новых формах культуры» [Там же, с. 183].

Таким образом, в процессе общественного развития происходит установление определенных форм культуры и разрушение их, затем установление новых. Эта схема, этот цикл, согласно Лаврову, существует во всей истории. Этот повторяющийся цикл органично входит в неповторимый порядок следования фазисов.

По мнению Лаврова, научность социологического закона переработки культуры мыслью не подлежит сомнению. Критерий научности – повторяемость закона. «Вопросы социологии суть всегда вопросы о законах явлений солидарности – и исключительно этих явлений – которые если и очень редко повторяются в действительности во всех их частностях, то представляются тем не менее исследователю как имеющие возможность повторяться по одним и тем же законам» [4, с. 21]. Объект социологии и истории один и тот же, но социология изучает усиление или ослабление солидарности в данном фазисе развития общества, а история должна раскрыть направленность, порядок перехода от одного фазиса к другому. «И социология, и история берут свой материал из коллективных организмов, но первой соответствует в области биологии изучение физиологических явлений, второй – изучение закона смены форм, который устанавливает переход личинки насекомого в зрелое животное» [Там же].

Повторяется только сам механизм перехода от одного фазиса исторического развития к другому, точнее, переход от одного фазиса исторического развития происходит в рамках закона взаимодействия культуры и мысли. Но почему на смену одному фазису приходит другой – на этот вопрос социологический закон не отвечает, это уже сфера действия исторического закона.

Закон истории – это определенная последовательность неповторимых событий во времени. Здесь Лавров солидарен с неокантианством. Вопрос заключается в том, как раскрыть закон этой последовательности? «Внимательный ученый убеждается, что ряд этих форм не представляет случайности, но необходимую последовательность. Каждая из них подготавливает почву за ней следующей. Этот ряд научных фактов может быть сгруппирован в определенный закон необходимой последовательности сменяющихся друг друга форм, в определенный закон развития. И для каждого организма – для медузы, для муравья, для человека, мы находим такой же закон, вполне научный, но несколько не похожий по типу, на законы физики или физиологии. В этих законах развития различных организмов ученые открывают результат действия законов повторяющихся явлений, но этот результат есть все-таки закон совершенно иного типа, закон последовательности членов ряда неповторяющихся явлений» [7, с. 79-80].

Таким образом, закон истории – это закон развития, имеющего определенную направленность. Историк как ученый-исследователь должен, согласно логике мысли Лаврова, выявить, раскрыть этот вектор развития, должен ответить на вопрос: почему в этом, а не в ином направлении развивается общество?

Исторических событий огромное множество. Как их классифицировать? С позиции неокантианства, классифицирует исторические события человек методом отнесения их к ценности. Отнесение к ценности определяет величину индивидуальных различий. Поэтому мы замечаем один процесс и отодвигаем на задний план другой. Ни один историк, по мнению Г. Риккерта (1863-1936 гг.), не интересовался бы теми однократными и индивидуальными процессами, которые называются Возрождением или романтической школой, если бы эти процессы благодаря их индивидуальности не находились в отношении к политическим, эстетическим или другим общим ценностям. «Итак, понятие культуры дает историческому образованию понятий такой же принцип выбора существенного, какой в естественных науках дается понятием природы как действительности, рассмотренной с точки зрения общего. Лишь на основе обнаруживающихся в культуре ценностей становится возможным образовать понятие доступной изображению исторической индивидуальности» [12, с. 90]. Но это не ведет к волюнтаризму и субъективизму, это лишь раскрывает специфику исторического познания, исторического закона. Ценность выступает в качестве критерия объективности и критерия той или иной трактовки направленности исторического процесса.

Лавров, по сути, понимает исторический закон в неокантианском духе, а в качестве ценности у него выступает общественный идеал, сформулированный историком. Здесь встает проблема объективной основы ценности, объективной основы общественного идеала. Историк создает общественный идеал, не только опираясь на те или иные свои субъективные потребности, но на объективные потребности всего или большинства членов общества. Тем самым Лавров всегда стремился поставить исторический процесс на объективную основу, подчеркивая при этом специфику общественнознания.

Историк должен понять объективный характер общественного идеала, с позиций которого и возможна классификация исторических событий. Отсюда у Лаврова обязательность требования высокого интеллектуального и нравственного развития исследователя вовсе не подрывает, не затрагивает основ объективности исторического закона. Один исторический фазис сменяется другим объективно-необходимым фазисом развития. «Не повторяющиеся явления здесь, как в других законах того же типа, обнаруживаются как подготовка, с безусловной необходимостью, предшествующими фазисами развития, и с такою же безусловной необходимостью подготавливающие фазисы развития за ними следующие» [7, с. 84]. Поэтому «законы истории суть законы реальные: установка их есть задача вполне научная; и потому история может быть понята как наука» [Там же].

Для того чтобы установить последовательность развития исторических фазисов, по мнению Лаврова, нужно установить необходимую зависимость всякого следующего фазиса от предыдущего, выделить в каждом фазисе элементы прошлого и будущего, выделить существенные элементы развития. Существенные элементы развития есть, по Лаврову, не социально-экономические и политические явления, а развивающиеся в личности или личностях сознание лучшего и усиление солидарности общественной среды. Эти два фактора и являются определяющими в процессе перехода общества от одного фазиса к другому. Однако при этом Лавров не исключал обращения к общественной среде, но лишь в той степени, в которой она могла благоприятно повлиять на формирование критической мысли личностей.

Субъект, личность путем воздействия своей критической мысли перерабатывает формы культуры и как результат этой переработки происходит переход от одного исторического фазиса развития к другому. Чем сильнее у личности развита критическая мысль, чем больше личностей с развитым критическим мышлением, тем быстрее и эффективнее будет перерабатываться консервативная культура, тем быстрее происходит переход от одного исторического фазиса развития к другому, тем быстрее мы приблизимся к общественному идеалу, который в полной мере будет соответствовать потребностям критической личности.

Исторический процесс Лавров понимал как рост рационального сознания и критической мысли в личностях, как расширение в обществе доли научной критики, расширение доли научного мышления в общественном сознании – это и есть для Лаврова, с точки зрения его позиции, объективный, закономерный и необходимый процесс исторического развития. Объективный исторический процесс настолько, насколько субъект внесет в этот процесс свое объективное содержание. А это объективное содержание в субъективном сознании субъекта зависит от развитости в субъекте критического мышления, от его способности познать это объективное в истории.

Для Лаврова в понимании исторического процесса главное – это человек, наделенный сознанием, способный к критическому мышлению, все остальное – второстепенно. «Субъективное сознание требует от личности такой деятельности, которая бы содействовала реформам общества в направлении убеждений личности и движению истории в смысле прогресса по этим убеждениям. С этой точки зрения, и только с этой, личности суть деятели всех общественных изменений, источники прогресса и регресса истории, насколько они сознательно участвовали в этих процессах. Они одни суть реальные предметы социологии и истории, потому что сознание присутствует лишь в них; все же остальные силы (климат, географические условия, естественное наследство расы, культурные традиции национальности и т.п.) действуют лишь чрез посредство личностей; ни одна мысль не может осуществиться в формах или в событиях истории, не пройдя через сознание личностей. Следовательно, сознание лиц, составляющих общество и производящих историю, есть единственный важный предмет для научного социолога и для научного историка» [5, с. 95-96]. Таким образом, критически мыслящий субъект есть творец истории, но в своем творчестве он должен придерживаться объективности.

История есть результат сознательной, субъективной деятельности человека. «В сознании личностей, участвующих в процессе истории, она есть результат мысли и воли личностей» [Там же, с. 97]. Лавров вводит понятие «творчество общественных форм». Это рациональное конструирование общества, рациональное создание совершенной, отвечающей основным потребностям человека, организации общества. «...преобладание общественного эмпиризма над теоретическим пониманием общественных задач было тем более непреодолимо, что научная обработка социологии есть дело совершенно новое. Лишь в настоящее время устанавливающее свои методы» [7, с. 71]. Таким образом, человек, по мысли Лаврова, творит общественные формы, то есть преобразует общество пока эмпирически, в будущем, когда человек, субъект познает законы научной социологии, творчество общественных форм перейдет на теоретический уровень, поэтому законы исторического, общественного развития познаны пока лишь на эмпирическом уровне.

Цель и смысл в общественное развитие приносит человек. «Целью правильного исторического развития может быть лишь возможно полное удовлетворение потребностей человека в той иерархии, в которой они сознаются им как высшие и низшие, по мере его личного развития» [5, с. 98].

Исторический прогресс есть движение по линии от менее совершенного к более совершенному общественному устройству. Исторический закон и должен описать эту смену последовательности фазисов развития общества, исторический закон должен ответить на вопрос: почему за этим фазисом идет следующий? Если это закон, то последовательность фазисов должна быть не случайной, а закономерной. Но это не есть объективный закон, как его понимает классическая наука, а закон в кантовском понимании, закон, созданный и сформулированный человеком. Там в общественном развитии никаких законов нет, их привносит туда человек, наделенный критическим мышлением и преобразующий общество.

Прогресс есть реализация цели, поставленной человеком. «Представление о прогрессе есть основное руководящее представление, отличающее процесс сознательного развития от всякой другой формы эволюции. Понимание истории как процесса развития не может быть ничем иным, как пониманием последовательных фазисов представлений о прогрессе, существующее в данную эпоху у данной группы людей, ни отступало от действительного прогресса, возможного для этой эпохи и для этой группы» [7, с. 87]. Данная группа людей формирует последовательность смены фазисов исторического развития, эта последовательность ведет к поставленной цели.

Таким образом, основная движущая сила прогресса есть критическая мысль, а прогресс есть развитие и расширение в обществе критической мысли. Суть истории в развитии мысли, а смена фазисов исторического процесса есть смена форм мысли. Схему фазисов исторического развития Лавров пытался дать в своих работах «Опыт истории мысли» (1875 г.), «Важнейшие моменты в истории мысли» (1903 г.). Методологический критерий деления исторического процесса следует искать, согласно методологии Лаврова, в характерных особенностях развития мысли. Необходимо выявить то направление мысли, в котором выражено

существенное, преобладающее направление данного периода. На основании этого выделяются эпохи, обозначается момент гибели одной, рождение другой эпохи. При этом Лавров обращал внимание на то, что процесс перехода носит плавный, эволюционный характер.

Лавров стремился преодолеть тенденцию к субъективизму, хотя и разрабатывал субъективный метод в социологии, он стремился к познанию объективных законов исторического развития, проводя аналогии в развитии природы и общества. Однако человек не частица мирового разума, бессознательно выполняющая его волю, согласно Гегелю, не частица класса, выполняющая его волю, согласно марксизму, человек по Лаврову, в духе Канта и неокантианства, сознательно-целесообразное существо, критически-мыслящая личность, ставящая себе цели и реализующая их. Человек, наделенный разумом, есть автономное существо, творящее историю, – таков основной посыл Лаврова. Отсюда ярко выраженный антропологизм и гуманизм мыслителя.

Список литературы

1. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.
2. Гизетти А. А. П. Л. Лавров как историк мысли // П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Пб., 1922.
3. Лавров П. Л. Важнейшие моменты в истории мысли. М., 1903.
4. Лавров П. Л. Задачи понимания истории. М., 1898.
5. Лавров П. Л. Научные основы истории цивилизации // Знание. 1872. № 2.
6. Лавров П. Л. Опыт истории мысли. СПб., 1875. Т. 1. Вып. 1.
7. Лавров П. Л. Опыт истории мысли нового времени. Женева. 1888.
8. Лавров П. Л. Собрание сочинений. Пг., 1918. Сер. 4. Вып. 1.
9. Лавров П. Л. Философия и социология: в 2-х т. М., 1965. Т. 2.
10. Лавров П. Л. Философский смысл истории // Отечественные записки. 1870. № 11.
11. Лавров П. Л. Цивилизация и дикие племена. М., 1904.
12. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.

P. L. LAVROV ABOUT LAW UNDERSTANDING IN HISTORY

Yudin Aleksandr P'ich, Doctor in Philosophy
Tambov State Technical University
ayudin51@mail.ru

The author presents the philosophical analysis of P. L. Lavrov's understanding of law in history, considers the problem of history formation as a science in historical-philosophical context, reveals its specific features, analyzes the problem of the interaction between sociological (repeating) and historical (unique) laws in Lavrov's understanding of historical process, and comes to the conclusion that Lavrov sought to find the objective basis of historical process (the interaction between culture and thought), but still put an anthropological factor to the fore, where the man was a history creator, and also created its laws.

Key words and phrases: evolution idea; science and history; historical knowledge specificity; Lavrov about historical understanding of law; sociological and historical laws; man and historical process.

УДК 1/14:27–317.5(091)

Философские науки

В статье намечены пути корректировки традиционных представлений о темпах и путях трансформации идей западноевропейских мыслителей XVI–XVIII вв. о чудесах. Автором осуществлены сводный аналитический обзор и сводная аналитическая обработка главных идей Т. Гоббса, Дж. Локка, Б. Спинозы и Г. В. Лейбница о чудесах. Автор приходит к выводу, что вообще все высказанные ими идеи о чудесах отличаются амбивалентным историко-типологическим статусом и могут принадлежать к кругу идей долгого Средневековья.

Ключевые слова и фразы: Т. Гоббс; Дж. Локк; Б. Спиноза; Г. В. Лейбниц; идеи о чудесах; историческая типология религиозно-философских идей; континуитет религиозно-философских идей; долгое Средневековье.

Яковлев Валентин Валентинович, к. культурологии, доцент
Институт гуманитарных наук Тюменского государственного университета
v-yakovlev@yandex.ru

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО СТАТУСА ИДЕЙ Т. ГОББСА, ДЖ. ЛОККА, Б. СПИНОЗЫ И Г. В. ЛЕЙБНИЦА О ЧУДЕСАХ©

Понятие чуда относится к числу центральных понятий христианства. Среди множества аспектов изучения этой христианской категории значительный интерес представляет возможный анализ религиозно-